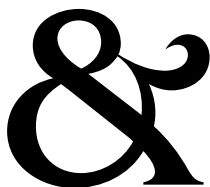


АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ



РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

**АРТЕФАКТ
ДЕТЕКТИВ**



**РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Елена АРСЕНЬЕВА

**Магический
перстень Веры
Холодной**



**МОСКВА
2019**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Разработка серийного оформления *Н. Кудри*

Редактор серии *А. Антонова*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Магический перстень Веры Холодной / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Артефакт & Детектив Российской Империи).

ISBN 978-5-04-101521-3

О, как же она была прекрасна, королева экрана Вера Холодная! В нее были влюблены все, вся Россия! Поклонники засыпали ее цветами и подарками, но особенный презент — изысканное кольцо, от одесского диктатора Гришина-Алмазова полностью изменило всю жизнь Веры. Везучую на приключения писательницу Алену Дмитриеву подозревают в похищении старинного перстня из Художественного музея Одессы... Перстень, по легенде, когда-то принадлежал преступному авторитету Гришину-Алмазову, и за ним тянется шлейф криминальных историй. Теперь Дмитриевой самой приходится искать украшение, чтобы выпутаться из нешуточных передряг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101521-3

© Арсеньева Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Я вам не скажу за всю Одессу...

Из песни

...Никто не знал, откуда он взялся. Никто не знал, чья рука его смастерила и кто первым надел его. О, конечно, каждый, кто становился его владельцем, мог бы припомнить, откуда у него появилась эта странная вещь, но беда в том, что владельцы его не заживались на свете, а если и заживались, у них непременно находились гораздо более важные дела, чем затруднять свою память воспоминаниями о такой безделице...

* * *

«Кажется, всё, — подумала Алёна. — Хватит играть. Пора начинать. Ох, ужас... Ну, на счет раз!»

Она не без усилия открыла глаза, которые жмурилась с таким старанием, что мокрые, соленые ресницы слиплись, и тотчас же встретила растерянный взгляд Ромки. Поэтому прежде, чем парень успел открыть рот и заорать, что спасать больше никого не надо, Алёна сквозь зубы прошептала:

— Молчи! Мне нужно оказаться на яхте. Как только они начнут со мной возиться, садись на свой байк и мотай отсюда! И сразу позвони Арнольду!

Она снова зажмурилась, и тут же раздался звук чего-то тяжело упавшего в воду. Она сейчас совсем не казалась ледяной, а, наоборот, обжигала напряженное от страха тело! И в это время голос, показавшийся знакомым, с насмешливой вальяжностью произнес откуда-то сверху, наверно, с борта яхты:

— Ну, давайте сюда вашу утопленницу. Хотя я и придерживаюсь принципа, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, но на красивых женщин этот принцип не распространяется. Помогите-ка мне, молодой человек, загрузить ее в этот гамак. Давайте подведем снизу... вот так! Ишь ты, кто бы мог подумать, что мы будем использовать эту сугубо развлекательную принадлежность в качестве сетки для ловли русалок!

Раздался женский смешок, тоже показавшийся Алёне знакомым, а потом она почувствовала прикосновение каких-то грубых веревок к телу, и тот же вальяжный голос скомандовал:

— Подсекай! И вира помалу!

Алёну потянуло наверх, веревки врезались в тело, она вдруг ощутила, что повисла над водой и поднимается все выше и выше, потом качнулась в сторону, начала опускаться — и не выдержала: открыла глаза, чтобы увидеть сияющее под солнцем, самое синее в мире Черное море вокруг, пляж Лонжерон — уже очень далеко, палубу яхты — очень близко, а еще — себя, скомканную и мотающуюся в какой-то большой мокрой сетке, подобно скумбрии, которую небрежная хозяйка тащит с Привоза и помахивает ею на ходу. И вдруг раздался внезапный рев аквабайка и изумленный крик:

— Куда же ты, парень? Куда помчался? А что нам делать с этой русалкой?

А потом она услышала голос, который уже не был вальяжным — в нем звучало опасное напряжение:

— Стоп машина! А теперь я хочу понять, что все это значит. Русалка она или подсадная ри-и-иба...

Алёна почувствовала, что сетка, которая уже начала было опускаться, зависла между небом и землей, вернее, между небом и палубой. Она снова вспомнила о скумбрии, которую хозяйка тащит с Привоза, небрежно раскачивая сетку. Ри-и-иба...

Тут у Алёны свело челюсти от приступа тошноты, нестерпимо, до бешеного звона в ушах, закружилась голова, а в следующее мгновение она лишилась сознания — на сей раз отнюдь не притворно.

* * *

— Кто его наслало на нашу голову, этого шмока? — с отвращением спросил плотный, коротконогий человек с узкими глазами, сидящий на стуле с розовым шелковым сиденьем и неудобной гнутой спинкой. — Скажи, Шмулик, откуда взялась эта белопогонная саранча на наши тучные одесские нивы?

— А я знаю? — развел руками высокий, тощий Шмулик Цимбал, сын башмачника Цимбала с Малой Арнаутской улицы. — Говорят, с самого адмирала Колчака. А может, с Деникина.

— Да мне что Колчак, что Деникин — оба два поца, порядок у себя в стране не могут навести да еще в чужое государство лезут, где есть свой король! — рявкнул его собеседник. — И они мне шлют еще этот чирей по имени Лёдя Гришин-Алмазов?! И шё я должен за это делать? Сидеть тихо и ждать, пока он ко мне придет и выпалит в лоб? Ну, вам говорит Миша Япончик, король Молдаванки: этого не будет! Таки нет!

Шмулик только кивнул и промолчал, потому что молчание, а это всем известно, и даже не только в Одессе, — знак согласия. И этот знак лучше подавать почаще, когда ты стоишь перед Мишей Япончиком, королем Молдаванки, а значит, всей Одессы-мамы, и он изливает тебе свою больную душу.

Миша фыркнул сердито, поудобнее устроил на шелковом сиденье свой величественный зад и щелкнул пальцами:

— Картинку нашел? Покажь.

Шмулик сунул пальцы в пришитый под жилеткой глубокий карман и вынул оттуда три открытки, кото-

рые по приказу Миши купил нынче в писчебумажной лавочке. Много чего исчезло из тех лавочек, да и не только из них. Даже из магазина «Образование», где раньше было все и даже больше! Теперь днем с огнем там нельзя, к примеру, найти разноцветную, гофрированную, коленкоровую бумагу, из которой тетя Песя, мамаша Шмулика, делала необычайно красивые бумажные розочки и хризантемочки для гойских могильных веночков. Исчезла она, исчезли перышки «коссодо», «рондо», «номер восемьдесят шесть», «Пушкин» и все прочие, и чернила исчезли, как будто после революции добрые люди должны были писать пальцем. Исчезли лакированные скрипучие пеналы, исчезли карандаши и ластики, исчезла дорогая александровская бумага, исчезли промокашки и тетрадки! А открытки с изображением темноволосой и темноглазой женщины остались. Но нет, они не стояли, покрываясь пылью! Их покупали, да еще как! Можно было подумать, это были не картинки, а последний чирус¹ в Черном море! Шмулик еле успел схватить эти три картинки. Они ему не сильно понравились, но других уже не было. Приказчица клялась, что «завтра привезут еще», но, во-первых, Миша велел — сегодня, а во-вторых, кто может сказать, наступит ли оно когда-нибудь вообще, это «завтра», при таком клятвом «сегодня», какое мы все имеем с того главного большевистского адиёта, вечно бы его папаша чистил на том свете ватерклозеты для покойного государя-императора с семейством!

Так рассудил Шмулик Цимбал — и купил те открытки, что были.

— Кака прэзесь... — с отвращением пробормотал Миша, принимаясь их разглядывать. Но постепенно губы его растянулись в улыбке: — Тошяя, четверть курицы, а на мордочку — ингеле!² Скажешь, нет?

¹ Молодая, еще маленькая скумбрия.

² Ангелочек (*иврит*).

На первой открытке женщина была в котиковой шубке и большой темной бархатной шляпе. И взгляд ее темных, тоже бархатных глаз ласкал и томил душу.

На второй открытке она была в костюме цыганки. Глаза — безумные, мятежные...

На третьей она танцевала, обнимаясь с мужчиной во фраке так, что сразу можно было понять: этот танец добром для ее супруга, который сидит себе где-то дома и кушает свою малосольную овечью брынзу, не кончится.

Миша покачал головой, а потом вдруг — ну, видеть, сильно его пробрало! — запел:

Под небом знойной Аргентины,
Где женщины опасней тины,
Под звуки нежной мандолины
Танцуют там тангó...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут!

Это была песенка из модной фильма «Последнее танго», и пела ее той зимой вся Одесса.

Миша пел и мрачно смотрел в окно подвальной комнатенки, сквозь которое был виден только маленький краешек этого мира: обрезок тротуара с выщербленными камнями и — редко-редко! — чья-нибудь нога, шагающая мимо. Окошко было такое малехонькое, что вторая нога прохожего мелькнуть просто не успевала, а оттого казалось, будто все одесситы вдруг обзавелись дурной привычкой ходить на одной ноге.

Виноват в том, что Миша Япончик сидел в подвале и смотрел на одноногих одесситов, был не кто иной, как чирей и белопогонная саранча Гришин-Алмазов, диктатор Одессы. И ему предстояло за это ответить...

В далекой южной Аргентине,
 Где небо южное так сине,
 Где женщины, как на картине, —
 Там Джо влюбился в Кло...
 Чуть зажигался свет вечерний,
 Она плясала с ним в таверне
 Для пьяной и разгульной черни
 Манящее танго!

— Слушай здесь, Джо, то есть Кло, то есть — тьфу! Шмулик, — сказал Миша, переставая петь. — Смакле-руй мне это дело, и ты не будешь знать беды и нужды никогда в жизни.

Шмулик тяжело вздохнул. Что здесь можно было сказать, кроме ничего?!

— Миша, ты знаешь, шё я готов сделать твое дело так же охотно, как матрос с «Синопа», который месяц жрал одну только тухлую солонину, готов пойти покушать орехового мороженого в заведении Кочубея в Городском саду, — сказал печально Шмулик. — И все-таки, Миша, прости меня за эти слова, ты уверен, что хочешь прищемить мошонку Лёде Гришину-Алмазову? Шё тебе этих мучений?! Сделай ему лох ин коп, дырку в голове, и пускай спит себе спокойно. А то ведь он как пить дать найдет, кто ему насажал этих вошей. Ты хочешь, чтобы потом он снова прошелся турецким маршем по нашей Молдаванке, похлеще, чем в прошлый раз? Ты этого хочешь?

— Я хочу этого так же, как молодая жена хочет прыщей на спине в свою первую брачную ночь, — сказал Япончик. — Но душа Гришина-Алмазова черней, чем пиковая масть. Прищемим мы ему стыдное место или нет, он все равно не отстанет от нашей Молдаванки, пока не насосется крови, будто трэфная¹ свинья. А сделать ему лох ин коп не так просто, как хочется.

¹ Некошерная.

Но мне надоело сидеть в этом подвале и смотреть божий мир с овчинку. Мы не будем с ним панькаться, не дадим ему все время ходить с козырей. Хоть раз, да сорвем банк! Мы бросим ему нашего шута¹. И ему придется зажать очко, таки да. А шутот будешь ты, Шмулик.

Миша поднялся со стула и вперил в Шмулика свои узкие глаза, за которые его и прозвали Япончиком. Шмулику почудилось, что в него вонзилось два узких ножичка: один в правое подреберье, другой — в левое.

— Шмулик, иди! Миша говорит мало, и он уже все сказал. Вопросов быть не надо!

— Я иду, — обреченно сказал Шмулик. — Я иду, Миша, но помяни мое слово — ты ошибаешься.

— Ошибаются все, даже бог, что бы там ни говорил себе, — безмятежно ответил Миша, двумя толстыми пальцами (на каждом сидело по два бриллиантовых перстня, рассыпающих снопы искр) берясь за борт своего пиджака. Шмулик знал, что под мышкой Миша Япончик, король Молдаванки, носит «Велодог». Револьвер был маленький, чтобы не портить покроя оранжевого пиджака в обтяжку, однако из него Миша стрелял так же ловко и стремительно, как авиатор Уточкин делал вираж над Лонжероном на своем лупоглазом, курносом самолетике, похожем на стрекозу.

Поэтому Шмулик вышел как мог быстро. При этом он успел прихватить из прихожей огромный, шуршащий, окутанный шелковой бумагой сверток. От свертка пахло нежно-нежно, сладко-сладко, однако Шмулик старательно воротил от него свой горбатый нос.

Прикрывая дверь, он услышал, как скрипнул стул с розовым сиденьем и гнутой спинкой под грузным телом короля Молдаванки, а потом раздался безмятежный, фальшивый голос:

¹ Имеется в виду джокер.

Но вот однажды с крошечной эстрады
Ее в Париж увез английский сэр...
В ночных шикарных ресторанах,
На низких бархатных диванах,
С шампанским в узеньких бокалах
Проводит ночи Кло.
Поют о страсти нежно скрипки,
И Кло, сгибая стан свой гибкий,
И рассыпая всем улыбки,
Танцует вновь танго...

И Шмулик понял, что Миша опять смотрит на открытки.

* * *

Вся эта совершенно безумная, практически бешеная история началась в четверг вечером, когда Алёна Дмитриева прибыла в Одессу. Самолет из Москвы прилетал в двадцать три часа по местному времени, а пока пассажиры вышли из самолета и миновали пограничный контроль, время приблизилось к полуночи.

Пряча под обложку паспорта хиленький листочек газетной бумаги под гордым названием «Імміграцііна карта», Алёна чуть ли не последней вышла в пустой и маленький зал ожидания Одесского аэропорта, и тут же он наполнился невесть откуда взявшимися людьми, преимущественно мужчинами, и все они бежали к Алёне с одинаково жадным выражением на разнообразных лицах. Это было похоже на сон невостробованной эротоманки... однако наша героиня была весьма разборчивой особой, поэтому ничуть не обрадовалась, а, напротив, насторожилась и приняла самый равнодушный вид. Толпа мужчин чуть сбилась с ноги (вернее, с ног), и они вновь рассредоточились по углам аэропорта, слившись с окружающей обстановкой: стойкой маленького бара, будочками билетных

касс, стендом продавщицы газет, вертушкой упаковщика багажа, банкоматом и прочими реалиями зала ожидания.

Но один мужчина перед ней остался-таки. Он был низенький, кругленький и лысеющий, однако держал себя так, словно был могучим и сильным мужем. Первым делом он попытался вырвать ручку чемодана-тележки из рук нашей героини, а когда ему это не удалось (все-таки в Алёне Дмитриевой было 172 сантиметра роста и 65 кэгэ живого веса, поди-ка отними что-нибудь у столь фактурной женщины, да еще писательницы-детективщицы!), попытался обольстительно улыбнуться и спросил:

— Машинку, мадам? Эх, прокачу?

Итак, племя неизвестных мимикрийцев оказалось всего лишь племенем одесских водил-шабашников.

Что такое вокзальные и аэропортовские водилы, Алёна очень хорошо знала — как и то, что поблизости непременно будут кучковаться чайники с более милосердной таксой.

Она сделала непроницаемую физиономию и буркнула:

— Спасибо, меня встречают.

Однако ее ожидало разочарование. На площади стояли, конечно, автомобили, но все водительские места пустовали, из чего можно было заключить, что их хозяева ловят фортуны в зале ожидания. Лишь около одной машины — светло-серого «Мерседеса» со светящимся трафаретом «Taxi» на крыше — стоял, сложив руки на груди, высокий мужчина в такой пронзительно-белой рубашке, что она словно бы освещала в густой тьме южной ночи его смуглое худое лицо с четкими чертами (в которых было, как показалось Алёне, нечто ассирийское), обрамленное длинными, чуть вьющимися, черными, слегка тронутыми седinou волосами. В его молчаливой несуетливости было что-то очень внушительное и надежное.

Алёна направилась было к нему, однако первый претендент на ее кошелек, оказывается, никуда не делся, не отступил разочарованно, не признал свое поражение, а следил за каждым ее шагом, и теперь кинулся следом, почему-то расставив руки, словно наша героиня была беглой курицей, а он — хозяйкой, решившей во что бы то ни стало загнать строптивницу в курятник.

Алёна взглянула поверх его головы на молчаливого «ассирийца», но тот невозмутимо смотрел в сторону.

— Такси! — крикнула она.

Он чуть качнул головой и мягким, по-южному протяжным голосом, но довольно отстраненно проговорил:

— Такси заказано.

Алёна вздохнула и отвернулась от него.

— Сколько до гостиницы «Дерибас»? — обреченно спросила она своего «опекуна».

— Двести пятьдесят гривен, — ляпнул он не задумываясь, ловя глазами ее глаза.

От такси послышался странный звук, как если бы «ассириец» подавился. Впрочем, Алёна и без посторонней помощи понимала, что ее попросту хотят ограбить.

— Надеюсь, хотя бы некоторые детали вашей машины позолочены? — высокомерно спросила она.

— Шё? — растерялся «опекун». — А вам оно надо?

— За такие деньги на *не* позолоченной машине не поеду, — категорично сказала Алёна.

«Ассириец» подавился вторично.

— А за сколько поедете? — с надеждой спросил «опекун».

Вот когда Алёна жестоко изругала себя за то, что не заказала такси по телефону, когда бронировала номер в «Дерибасе»! Или хотя бы не спросила, сколько стоит проезд от аэропорта! Придется отвечать наобум Лазаря.

— За двести, а? — жалобно проныл «опекун».

— За сто пятьдесят! — решительно ответила Алёна.

«Ассириец» опять сделал что-то странное своим горлом.

Много она готова заплатить? Или, наоборот, мало?

— Эх, — разочарованно сказал «опекун». — Ладно, поехали... только для вас соглашусь. Эксклюзивно!

Собственно, в голосе его сквозь разочарование пробивались-таки ликующие нотки, из чего Алёна сделала вывод, что ее эксклюзивно обдурили. Да ладно, выбора-то нет.

— Поехали, — покорно вздохнула она.

«Опекун» немедленно вцепился в ее чемодан, и больше Алёна не сопротивлялась.

«Не позолоченной машиной» оказался очень симпатичный желтенький «Ситроен». Погрузились, поехали.

— Вы не на кинофестиваль приехали? — заискивающим тоном спросил водила. — На какую-то артистку похожи...

Наверное, он все же чувствовал некую неловкость и пытался такой нехитрой лестью смягчить пассажирку.

— А что, тут будет фестиваль? — оживилась Алёна. — А когда?

— В конце июля.

— Это через месяц, что ли?! — расхохоталась Алёна. — Сейчас еще даже не конец июНЯ!!! И что бы мне делать целый месяц?!

— Да мало ли шё? — философски рассудил водитель. — В Одессе всегда есть шё делать!

Алёна поглядывала по сторонам, хотя пока смотреть было особенно не на что. Извилистая дорога, по темным обочинам какие-то, с позволения сказать, сараи с традиционными вывесками «Автомастерская», «Автомойка», «Автосервис», «Авторемонт»... Как-то